

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Они позировали Мухомой. 1976 год. На съемках «Неоконченной пьесы...»

О кино — единственное из искусств, так скажем, неестественного происхождения. В отличие от музыки, живописи, литературы — совершенно естественных продолжений человеческой необходимости в самовыражении, никак не связанных с материальной культурой. Краски, которыми пользовался Рафаэль, в техническом отношении из-за развития химической промышленности уступают нынешним. Но по качеству живописи Рафаэль вполне конкурентоспособен. Так же различаются перья, которыми писал Пушкин, и компьютер современного автора. Тем не менее литература Пушкина тоже вполне конкурентоспособна и может существовать. А кино своим возникновением целиком обязано конкретному техническому изобретению двух братьев Люмьер. Если Пушкина лишит пера, он мог бы, видимо, писать палочкой на песке, и ничего бы не изменилось, все так же сочинилось в голове. А если из кино вынуть камеру и пленку — его просто не будет. Существование кино напрямую связано с техникой и соответственно со всеми техническими видоизменениями, с прогрессом или регрессом. И, как у всякого явления, у которого точная дата рождения, до конца хоронят театр, но где он возник, когда — никто не знает. Так что когда поникнет, нам тоже знать не дано. А кинематограф сейчас дрейфует в сторону телевизора, потому что телевизионная техника — или, как она сейчас называется, электронная — намного мобильнее, практичнее, чем кинематографическая. Техника съемки сегодня уже позволяет делать то, о чем на заре кинематографа и мечтать не приходилось. То есть кинематограф покорно бредет за техническим прогрессом, как крыса за этой лудочкой в сказке... Так и все кинематографисты бредут за японцем, потому что качество лудочки там какое-то электронное.

Есть у Толстого замечательная фраза: «Жизнь не уничтожается, только видоизменяется смертью». Я думаю, что и кинематограф не уничтожится, а видоизменится, превратится во что-то другое. Что касается отечественной ситуации в кинематографе... Конечно, мы являлись уникальной страной, сравнимой только с Соединенными Штатами. У нас была колоссальная аудитория. Допустим, в какой-то Голландии кинематографу — очень энергосмокому производству — существовать труднее. И делать картину для двух миллионов людей, говорящих на этом языке, а в кино из них пойдут в лучший случае 500 тысяч человек, — дорогое удовольствие. У нас же огромная страна, говорящая на одном языке, страна, в общем скажем, одной культуры, одних исторических корней. И вот сейчас мы это рынок потеряли. И валить не на кого. Ни на масонов, ни на коммунистов. Сасала все сами, собственными рученьками. С гитлером и улюлюканьем разнесли... Мне рассказывал в армии один сверхсержант... Тихий был такой, но на 20-летие Победы, когда все офицеры явились с орденами, на них стало жалко смотреть, когда появился этот человек с иконостасом орденов и медалей! Он был полный кавалер Славы. Пехотинец, который проползал через всю Европу, дошел до Берлина. Случай в пехоте редчайший! Ну, и потом, когда прошли все эти празднования, он опустился до каптерки и там рассказывал мне

Немного другое происходит за границей. Все-таки за границей, когда попадаешь в жюри фестивалей, появляется иное самоощущение. Правда, говорят, что некоторые и там пытаются своих добить... Но что касается меня, то, даже если эта картина мне не близка, все равно... Эгоистический момент, наверное, присутствует: получишь приз российской картина, и о российском кинематографе чуть-чуть мнение изменится, и на меня отблеск упадет...»

Об объединении
«У нас всякое объединение происходит только против чего-то. Есть замечательный архитектор перестройки — Александр Николаевич Яковлев. Архитектор есть, а проекта нет. И, видимо, не было. Архитектор возлагал стройку, даже приблизительно не зная, что строить будет. И вот как американцы успешно одели весь мир в джинсы, в эту практичную молодежную одежду, — так же они поступили со своим кинематографом. А мы в России пытаемся задним числом заигрывать с молодежью. Но посмотрите на нашу эстраду! Только-только подобраемся к имитации «Битлз»... Все остальное — совершенно постыдная жалость и с большим отставанием от Америки. Кино наше тоже сейчас кинолось в погону за зрителями. Но в погону за зрителями, отставшими от американского кино. Случайно выпавшими из этого поезда. А мы подбираем... Если вы что-то американское не успели посмотреть, то у нас есть то же самое, но только подешевле, да? Вроде как рядом с Диснейлендом построили балаган, где будет тот же самый аттракцион, только деревянный, дубовый, отечественного производства!»

О главной территории
«Я отнюдь не поклонник американского кино. Более того — резко не принимаю Тарантино. Но! Нельзя не признать, что американцы выигрывают на самой главной территории. Они все время целят в молодежь — и попадают. И не только в кино... Почему «Макдональдс» захватил все страны, и Францию, и Италию в парадные вещи. Например, как они, входя в Пруссию, врывались в какой-нибудь замок, откуда только-только удрали постояльцы, и первым делом начинали все попорядку промывать и крушить. Стреляли по зеркалам, вышибали окна, испарывали полунки, рушили картины. А потом должны были выметать осколки, затыкать окна распоротыми подушками, кое-как зашивать матрасы, чтоб было на чем спать. И думали: что мы наделали? какого черта все попортили? Так чего, два в этом замке, потом — бросок вперед, следующий замок — и опять повторилось то же самое. И точно так же, выбреба собственное дерьмо из комнаты, где предстоит ночевать, затыкая дыры в разбитых окнах и растапывая камни вместо выкинутых дров повороченным паркетом, из-за чего было трудно ходить по полу, думали: ну что мы за люди такие? как же здесь удобно все было! что ж мы тут понаделали!»

«Иногда подобное произошло и у нас, когда на революционном съезде кинематографистов СССР все просто дрожало от возбуждения, только бы перебить, что от этих старых зарез оставалось, только б как можно больше покрушить... Ну, и потом, накрушив, стали думать, а что же теперь на этих руинах строить? И с великим трудом пытались возвести то, что уже было. Опять — Госкино, опять — сеть проката. Но теперь выясняется, что даже в государственном масштабе возродить то, что развалило, гораздо труднее, чем поломать. И хотя известно, что эволюционный путь лучше революционного, мы, как всегда, пошли революционным. Поэтому и не знаю, когда и как можно будет восстановить эту индустрию. К сожалению, кино — индустрия. В первую очередь — индустрия. Поэтому на всех этих гигантах — «Мосфильм», «Ленфильм», студия имени Горького и т. д. — ситуация сравнима с положением на АЗЛК или ЗИЛе. Они выпускают продукцию, которая никому не нужна, к сожалению, не могут обеспечить работой всех и т. д. Тот же круг проблем, который стоит перед любыми директорами крупного завода. Так же бродят толпы безработных или же стоят, как саланги-инструментальщики, в очереди за зарплатой. Но от этого, увы, товара больше не становится.»

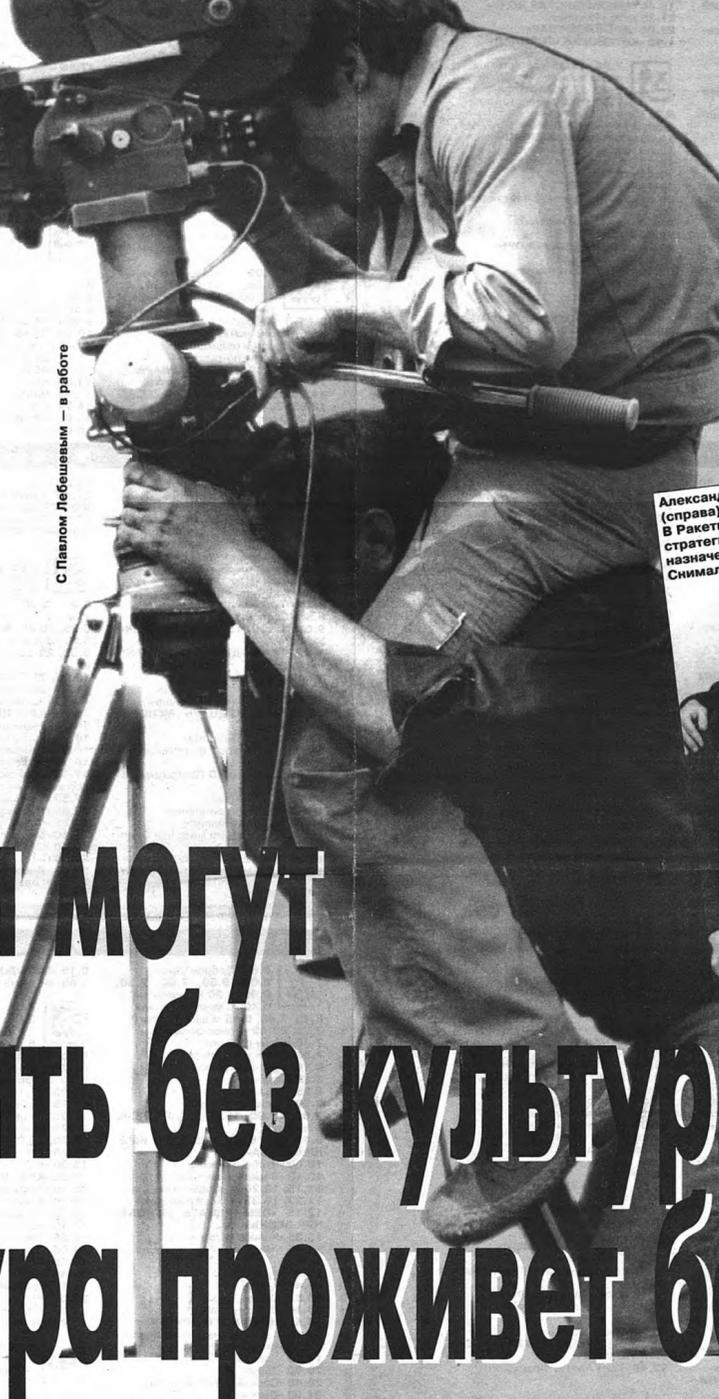
Александр АДАБАШЬЯН

Лето 1976 года. С Александром Калегиным

О радости чужому успеху

«Это всегда было трудно — радоваться чужому успеху. Ну никак не могла бы там быть принята котлета с двумя кусочками хлеба, если бы это не было рестораном для молодежи... У американцев такой молодежный стиль. В музыке, в массовой культуре. Везде. В Европе пытаются это победить разговорами пятидесятилетних о сорокалетниках. Ну не пойдет молодой человек в чопорный ресторан. У него и денег на это нет, да и скучно ему там сидеть в тишине, нож в правой руке, вилка — в левой, салфетка — на правом колене, вино какой страны и какого цвета вы предпочтаете в это время суток... То ли дело в «Макдональдсе». Картошка руками, соки — через соломинку, все — свои, бац — сел за стол, просто и ясно! Французская мода это одно. Но в джинсах ходит весь мир. Ругаться, проклиная, возмущаясь... Я был поражен, когда за границей у одного знаменитого собора в воскресный день при огромном

Лето 1975 года. Одесса. «Раба любви». Александр Артемьевич врывается в Крым на плечах Врангеля (г. в. Павла Тимофеевича Лебешева)

«Сегодня, объявляя романс, представили бы авторов так: клавишник Рахманинов, текстовик Пушкин, да?» — сказал, смеясь, Адабашьян. Не будем следовать этой моде. Тем более, что Александр Артемьевич Адабашьян в представлениях не нуждается. Но в его представлениях о жизни нуждаемся мы. В представлении художника, сценариста, актера, режиссера. И гражданина

Александр Адабашьян (справа). 1966 год. В Ракетных войсках стратегического назначения. Снимался — дурачься

О политике

«Не интересны они мне... Яркая личность — Жириновский. Не знаю, правда, имеет ли он отношение к политике. Сильно сомневаюсь. Скорее — шоумен... А собственно политики... Сколько их уже мелькало! Сколько поменялось! И откуда они берутся, и куда исчезают? Совершенно паразитично: сначала они исчезают, а потом выясняется: у них какие-то фонды в восемь этажей, битком набитые народом, и они, накупив брови, на заднем сиденье «Мерседеса-600» с сотвыми телефонами куда-то едут... Куда-то исчез ясновидящий Станкевич. Проворовался, но исчез... Не думаю, что он там где-то, за океаном, с тоской смотрит на летящий из России лайнер. Или где теперь тоже с ясным комсомольским взглядом Илья Заславский? Куда-то исчезают, а потом появляются — значительно раздобревшие... Оказываются, уже кого-то консультируют, где-то при чем-то... Когда я смотрю футбол по телевизору, то думаю, что, наверное, разные люди в команде и разные между ними отношения, но одна цель: забить мяч в чужие ворота и не допустить, чтобы забил в твои. Поэтому они на поле пластаются, ложатся на мяч, исправляют ошибки друг друга. Может, у них в раздевалке и бывают размолвки. Но нельзя представить себе, что они на поле отнимали друг у друга мяч, выпихивали и били своих, а кто-то специально привязывал собственного вратаря к штанге, чтоб нам поскорее забил гол, и тогда б все увидели, какой у нас идиотский тренер... Такого себе представить нельзя. А наши политики действуют именно так. Я только одного не пойму: то ли они все — политики — под себя пробуют, то ли до такой степени под собою не чувствуют страны, что очень часто для них действительно чем хуже, тем лучше! Коммунисты, по-моему, просто дулюют, когда забавовки, им все это в радость. Прогрессолюбивая сторона считает все происками. Но самое главное: и тем и другим совершенно надлежит на голожающих шахтеров, на всех этих людей, которые не получают зарплату... Поэтому говорить об этих политиках всерьез не могу». Помалочку — со вздохом: «Какие они политики... Так — временночки... Насекомые.»

О гибели культуры

«Раньше носилось государство, которое за все платило. Но носилось оно потому, что, платя, намекало: неплохо бы за мои деньги получить то, что я хочу. Это не устраивало. От этого отказались. Теперь желательного, чтобы государство давало бы те же самые деньги, но при этом не совалось в то, что мы с ними будем делать. Не вансе собачье дело... Если помните, у Булгакова в «Белой гвардии» есть замечательная мечта о крестьянской реформе. Что бы всю землю продать крестьянам, каждому — по сто десятин, на всю эту землю гербовую бумагу с печатью, чтоб никакая сволочь не приехала из города хлеб забирать, хлебскую наш, что сами не съедим — в землю зароем. И четвертый пункт: вот из города привозили керосин! Чтоб на что похода наша попытка культурной реформы. Деньги давайте и не уйте свое поганое рыло в то, что мы делать будем. Что хотим, то и делаем!»

Ну первая часть вроде бы выполнена. Свое поганое рыло государство в наши дела не сует. Но странным образом денег на это не дает. И на государство кричат: не дадите нам денег — погибнете! вы погибнете, потому что гибнет культура!

Культура сама по себе не гибнет. Она сама по себе не возникает и не гибнет. Культура, которая погибла от отсутствия денег?! Да недорогого, значит, она стоила. От отсутствия денег может измениться книгопечатание... Но — не культура. В каких условиях работали в 20-е годы театры Вахтангова или Мейерхольда, Таирова? Я думаю, о тех условиях, в которых находятся сейчас наши театры, они и мечтать не могли. Без копейки денег, кто-то получал пайки, а кто-то не получал, по подвалам, сами все оборудовали... А теперь тот же Вахтанговский театр, существующий на государственные деньги, неспешно выпускающий спектакли, очень недоволен, что государственных средств им недостаточно для спокойной, размеренной жизни. Но если у тебя есть такая бешеная потребность в самовыражении, я думаю, выход как-то найдется.

При этом я вовсе не считаю, что государство должно с себя полностью скидывать обязанности. Существуют библиотеки, музеи, театры типа Большого, которые без госсубсидий не могут... Но когда молодые артисты, только кончившие училище, жалуются: не обращают внимания! не приглашают в труппы! вот неделю сижу дома — и ни Станиславский мне не позвонил, ни Эйзенштейн не зашел, ни Феллини факс не прислал...»

«Я был в Италии, когда шел финальный матч чемпионата мира по футболу. По всем программам телевидения у них хватило ума каждые две секунды сообщать о ходе матча. Всякий комментатор считал долгом

«Если бы я был главным редактором газеты, я бы, наверное, на первую полосу ставил то, что сам читаю в первую очередь. А сам я очень редко начинаю читать газеты с первой полосы. Мне гораздо интереснее культурные события. Раньше — рецензии на спектакль, сейчас — отчет о футбольном матче. И, кстати, я заметил, что во Франции или Италии совершенно спокойно политическая газета может выйти с огромным заголовком на первой полосе: «Наши выиграли сегодня футбольный матч!» Или с огромной фотографией на первой полосе бегуны, которая на Олимпиаде победила на дистанции 400 м. Потому что это, во-первых, событие для страны и событие, о котором говорят. Главное событие — оно естественным путем выясняется! Или на первой полосе помещается фото известного актера, который успешно сыграл в нашумевшей картине. А в второй полосе будет сообщение, что Миттеран встретился с Шираком, а Ширак встретился еще с кем-то. Это тоже важно. Но ясно, что газета живет тем, чем живут ее читатели. А не имитирует некую свою политическую ориентированность. Или большую серьезность, как раньше газета «Правда» — спорт на 4-й полосе, политика — на 1-й, культура — на 3-й. А сейчас в телевизоре сначала информационная хроника, потом — кто кому плюнул в рожу в Думе и по какому поводу, потом — определенное количество трупов куда-то завязались, в кино успешаются, милиционеры какого-то сысрали, по всему миру катаются, всем грозит, всех пугает, никто его не боится, чудная жизнь! И главное — ни за что отвечать не надо! И что бы кто ни сделал, всегда можно обос...ть с головы до ног! все — не так! ты направо поехал? а надо было — налево! ах, ты налево? а надо было — направо!»

«Франция или Италия совершенно спокойно политическая газета может выйти с огромным заголовком на первой полосе: «Наши выиграли сегодня футбольный матч!» Или с огромной фотографией на первой полосе бегуны, которая на Олимпиаде победила на дистанции 400 м. Потому что это, во-первых, событие для страны и событие, о котором говорят. Главное событие — оно естественным путем выясняется! Или на первой полосе помещается фото известного актера, который успешно сыграл в нашумевшей картине. А в второй полосе будет сообщение, что Миттеран встретился с Шираком, а Ширак встретился еще с кем-то. Это тоже важно. Но ясно, что газета живет тем, чем живут ее читатели. А не имитирует некую свою политическую ориентированность. Или большую серьезность, как раньше газета «Правда» — спорт на 4-й полосе, политика — на 1-й, культура — на 3-й. А сейчас в телевизоре сначала информационная хроника, потом — кто кому плюнул в рожу в Думе и по какому поводу, потом — определенное количество трупов куда-то завязались, в кино успешаются, милиционеры какого-то сысрали, по всему миру катаются, всем грозит, всех пугает, никто его не боится, чудная жизнь! И главное — ни за что отвечать не надо! И что бы кто ни сделал, всегда можно обос...ть с головы до ног! все — не так! ты направо поехал? а надо было — налево! ах, ты налево? а надо было — направо!»

«Я был в Италии, когда шел финальный матч чемпионата мира по футболу. По всем программам телевидения у них хватило ума каждые две секунды сообщать о ходе матча. Всякий комментатор считал долгом

О том, что ничего не означает

«У нас считается, что футболом только народ интересуется, это — неизменное. А я (я! я! я!), надув щеки, важничая, поразмыслию: что бы это означало, когда кто-то из политиков стоит за спиной у кого-то... А это — ничего не означает!»

«Вот Адабашьян, Александр Артемьевич»

«03.97»

«Стакан, Александр, это тоже оптика» (из беседы П. Лебешева с А. Адабашьяном)

«P.S. Сразу после интервью с А. Адабашьяном улетел в Париж. Визировала материал по факсу. Александр Артемьевич не внес ни единой поправки. А в конце сообщил:»

«В Ботте горю, там что в Ботте...»